

психологов о переправе через реку двух человек в одноместном челноке изящно решается, если допустить, что наши путешественники подошли к ее разным берегам. Что ж, преодоление одно-сторонности — один из способов отказа от стандартности...

¹ Овчинников Н. Ф. О цели и смысле творчества // Науч.-техн. прогресс и науч. творчество: Тез. к чтениям памяти акад. Б. М. Кедрова. Свердловск, 1988. Ч. 2. С. 4.

² Расколотые камни являются (даже при бессознательном применении) более эффективным орудием защиты и нападения, выступают прообразом простейших каменных орудий.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 194.

⁴ См. данные об опыте Венгрии: квалифицированным работникам предлагается на выбор до 10 рабочих мест, в то время как на одно освободившееся место подсобника претендуют до 10 человек. (Известия. 1989. 8 янв.)

⁵ Рассказывают, что некая весьма миловидная дама пыталась увлечь Бернарда Шоу перспективой появления потомства, наследующего ее красоту и ум великого сатирика. Он же посчитал такую перспективу не слишком надежной: а вдруг дети унаследуют физический облик отца, а ум матери?

В. И. КОПАЛОВ

Уральский университет

Л. Г. КОПАЛОВА

Свердловский инженерно-педагогический институт

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ РАЗВИТИЯ СПОСОБНОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ

В марксистско-ленинской теории личности немаловажное значение имеет исследование специфических характеристик, которые образуют ансамбль социальных свойств личности. К свойствам такого рода относятся и способности, которые, будучи психически-ми образованиями, являются результатом социального развития. К. Маркс и Ф. Энгельс утверждали, что «призвание, назначение, задача всякого человека — всесторонне развивать свои способности»¹. В этом смысле развитие способностей предстает как предметное развертывание сущностных сил человека.

Способности личности — область и предмет исследования психологии, педагогики, социологии и других наук. Но только философия может дать интегральное представление о сущности спо-

способностей: об их социальной обусловленности в процессе формирования личности, о творчестве как сфере реализации способностей, а также о соотношении социальных условий и природных факторов в формировании способностей.

На современном этапе критерием прогресса общества является его вклад в развитие личности. Иначе говоря, приоритетное развитие образования и науки сегодня определяет, а в перспективе в еще большей степени будет определять эффективность общественного прогресса. Следовательно, речь идет о необходимости создания такой социальной системы, которая в максимальной степени даст возможность раскрытия резервов, способностей, творческого потенциала личности. Как говорил А. де Сент-Экзюпери, надо создать такие условия, чтобы ни в одном человеке не погиб Моцарт.

Все это делает проблему способностей личности одной из актуальных, имеющих глубокий теоретический смысл и практическую значимость. С особой остротой вопрос о социальных свойствах личности встает в связи с нарастающими диспропорциями, проявляющимися в негативном отношении к труду и к дисциплине труда, в социальной пассивности, в пренебрежении общественными интересами, в инертности, застылости форм и методов управления, гипертрофированном разрастании бюрократизма. Эти тенденции объективно приводят к ухудшению «человеческого материала», к атрофии ряда социальных свойств, в том числе и способностей.

В теоретическом плане исследование способностей включает в себя систематическое рассмотрение их общественно-исторического развития, противопоставление диалектико-материалистической методологии их исследования современным немарксистским концепциям иррационального толка, авторы которых пытаются обосновать положение о решающей роли биологических факторов в развитии способностей личности. Подобные концепции игнорируют вопрос о социальной обусловленности и сущности способностей и тем самым стремятся доказать непреходящий характер социального неравенства людей.

Способности издавна считались наиболее таинственными свойствами человека. Факты выдающихся способностей, особенно в области науки и искусства, создавали впечатление исключительности носителей этих свойств. Видимое различие людей по способностям до сих пор обуславливает живучесть мнений, что способности — это врожденные свойства, счастливое сочетание генов, доставшееся определенному лицу. Чем определено различие в способностях людей? Где истоки способностей? Можно ли целенаправленно воспитывать талантливых людей? По нашему мнению, решение этих проблем необходимо начать с выявления противоположных методологических подходов.

В домарксистской философии проблема развития способностей человека рассматривалась в основном как выявление познавательных способностей. Согласно традиции, идущей от идеалистического направления античной философии, способности расценивались как свойства, источником которых является индивидуальное или божественное сознание. Еще Платон ввел в науку понятие способностей как врожденных свойств, обуславливающих социальное неравенство людей. По его мнению, одни рождены для управления государством, другие — для военного дела, а остальные — для ремесла и земледелия. Связывая существование этих сословий с потребностями государства, Платон, по выражению К. Маркса, осуществляет «афинскую идеализацию египетского кастового строя»². Классовый характер идеи о врожденном неравенстве способностей ясно виден не только в учении Платона, но и у его последователей.

Аристотель опирался на платоновские представления о способностях как потенциально данных внутренних свойствах человека, без которых внешнее воздействие не может произвести должного эффекта. Учение Аристотеля о душе, где он касается проблемы способностей, содержит важные положения, которые позволяют оценить его как основоположника научной психологии. Он подразделял способности на врожденные и приобретенные, указывал на взаимодействие способностей и неспособности, на связь способностей и деятельности человека³.

Эти идеи оказали влияние на философию Нового времени, которая ставит вопрос о методах познания способностей, о путях приобщения познающего индивида к «божественному интеллекту», о способностях как самосознании и интеллектуальной интуиции. Наряду с рассмотрением способностей как врожденных качеств человека утверждался тезис о способностях как свойствах, приобретенных в результате воспитания. Это направление было связано с процессом становления класса буржуазии, мыслители которой перенесли акцент в проблеме человека и его способностей на социальную среду, на воспитание, что было высоко оценено К. Марксом. С гносеологической стороны это понимание проблемы было обосновано Д. Локком, а в философско-историческом плане — Гельвецием и другими французскими материалистами. Основной тезис Гельвеция сводится к следующему: «Неравенство умов есть результат известной причины, и эта причина — разница в воспитании»⁴. Искусство воспитания состоит в том, чтобы ставить людей в условия, при которых в полной мере развились бы задатки их ума и добродетели. Отрицая врожденный характер идей, Гельвеций полагал, что ум и талант являются чем-то благоприобретенным. В связи с этим он саркастически замечает, что «тезис о врожденном характере идей мешает успехам науки о воспитании и поощряет леность и небрежность»⁵.

Воззрения Гельвеция и французского материализма в целом явились шагом вперед в постановке и решении проблемы способностей. Отрицая понимание способностей как врожденных свойств человека, материалистическая философия отвергает основные постулаты религиозной философии и придает исследованию проблемы ярко выраженную идеологическую направленность. Тем не менее решение проблемы приобретает противоречивый характер: мысль о развитии способностей под влиянием среды и воспитания дополняется идеалистическим пониманием общества и человека, взглядом на просветительство как единственно возможный путь развития способностей. Здесь пока нет и намека на исторический характер общественных отношений, обуславливающих развитие способностей личности. Дилемма врожденный — приобретенный характер способностей человека становится водоразделом между идеализмом и материализмом, между рационализмом и эмпиризмом.

Немецкая классическая философия перенесла рассмотрение проблемы в гносеологическую плоскость, развивая при этом идею активного характера человеческого познания. Кантовский дуализм в понимании человека стал основой для субъективно-идеалистической трактовки человеческого Я в учении Фихте. Для человеческой способности, по мнению Фихте, «быть» значит «осуществляться», т. е. быть действующим. Поэтому способность в одно и то же время есть то, что совершает действие, и продукт этого действия, действующее начало и результат этого действия⁶.

Дальнейшее развитие проблема способностей находит в философии Гегеля, согласно которому мышление предстает как субстанция всех человеческих способностей и сообщает всему человеческому его человечность. Если Кант стремился доказать, что познавательные способности индивида априорны, то Гегель показал обусловленность индивидуального познания всеобщими формами культуры и тем устранил основания гносеологической «робинзонады». Основной характеристикой человека является деятельность, которая позволяет понять его как целостное саморазвивающееся существо в единстве всех его способностей. Деятельность дает возможность не только зафиксировать «сводимость» различных способностей к общему знаменателю, но и объяснить их специфику. «Человек по своему непосредственному существованию есть само по себе нечто природное, внешнее своему понятию; лишь через усовершенствование своего собственного тела и духа, главным образом благодаря тому, что его самосознание постигает себя как свободное, он вступает во владение собою и становится собственностью себя самого и по отношению к другим. Это вступление во владение представляет собою, наоборот, также и осуществление, превращение в действительность того, что он есть по своему понятию (как возможность, способность, задаток)»⁷.

Обращение к деятельности сообщает гегелевской концепции объективные основания в отличие от эмпирического психологизма, фиксирующего отдельные проявления человеческой личности, и от натуралистического редукционизма, сводящего сущность человека к телесным, соматическим параметрам. «Отношение знания к объекту познания не есть, по Гегелю, отношение изолированного индивида... а отношение, осуществляемое индивидом через общественно-объективированные и всеобщие формы культуры, через уже сложившиеся в объекте совокупные продукты человеческой деятельности, пропущенные через „сито“ исторически кристаллизующегося „культурного фонда“ человечества»⁸. Хотя Гегель идеалистически логизировал этот процесс, тем не менее он заложил основы для научного диалектико-материалистического решения проблемы.

Во второй половине XIX в. проблема способностей становится объектом внимания психологической науки, на развитие которой оказали влияние представления о натуралистическом характере сущности человека. Речь идет прежде всего о биологизации и психологизации понимания развития общества и личности. На основании работ Ф. Гальтона, Ж. Гобино и Ч. Ломброзо возникли течения, которые пытались объяснить культурную и экономическую отсталость внеевропейских стран исходя из биологических и расовых особенностей народов этих стран. «Стремление буржуазных идеологов найти в самой природе основы или хотя бы предпосылки социальной структуры капиталистического общества, методологическая слабость некоторых мыслителей, не видящих качественных различий между природой и обществом, также обуславливает интерес к биологической интерпретации социального»⁹.

В современных немарксистских философских, социологических, психологических и педагогических концепциях биологизацию сущности человека и его способностей осуществляют неофрейдизм, социальная этология и социобиология. Так, классический фрейдизм, «возникнув в качестве средства лечения и объяснения невротических симптомов,— пишет Л. И. Божович,— спустя некоторое время стал рассматриваться Фрейдом и его сторонниками как метод, раскрывающий внутренний мир и поведение здоровых людей, а затем и всеобъемлющий принцип, объясняющий ход социального и культурного развития человечества»¹⁰. Рассматривая вопрос о способностях в сфере художественного творчества, Фрейд считал, что творчество есть результат сублимации, перевоплощения бессознательных влечений человека, в основе которых лежит половой инстинкт. Основываясь на данной методологической установке, Фрейд стремился объяснить творчество целого ряда выдающихся художников.

Современному фрейдизму также свойственно натуралистическое понимание сущности человека и его способностей. Э. Фромм рассматривает способность к прямохождению и речи, способность

рассуждать, воображать и любить как врожденные потенциальные способности, дремлющие в наследственной психике человека. «К сожалению,— пишет американский философ-марксист Г. Уэллс,— общественное мнение в Соединенных Штатах в отношении понятия врожденных способностей настроено таким образом, что мало кто ставит под вопрос адекватность преобразованного аристотелевского подхода к проблеме человеческих потенциальных способностей»¹¹.

Широкое распространение получили сейчас родственные фрейдизму биогенетические концепции человека и общественной жизни. К ним можно отнести исследования в области социальной этологии, осуществляемые К. Лоренцем, Р. Ардри и др. Для социальной этологии свойственно стремление перенести естественнонаучные методы исследования поведения животных на изучение поведения и свойств человека. «Мы не должны,— писал Р. Ардри,— ожидать слишком много от способности, приобретенной в результате научения, если она находится в противоречии с инстинктом. К сожалению, мы вообще не можем ожидать многого от человеческого разума, так как его главные усилия большей частью служат самообману»¹².

Концепция социобиологии связывает актуальные вопросы соотношения природного и социального с новым фактическим материалом из области биологии, генетики и нейрофизиологии. Однако решение вопроса о соотношении социального и биологического в социобиологии не может быть признано удовлетворительным. Основоположники социобиологии Э. Уилсон и Ч. Ламсен выделяют в качестве основного понятия «культурген» как единицу культуры. Они постулируют наличие четырех основных элементов культурной эволюции: способность учиться, способность к подражанию, способность к обучению и способность к созданию символов и абстракций. «Мы считаем,— пишут они,— что ключ к пониманию проблемы взаимодействия генетической и культурной эволюции лежит в понимании процессов онтогенетического развития мыслительных способностей человека и его поведения»¹³.

Различные варианты современного социал-биологизма, являясь идеалистическими по своим мировоззренческим основаниям, имеют вполне определенную идеологическую направленность. Это проявляется в стремлении объяснить социальные противоречия капиталистического общества неизменной природой человека, а также отождествить социально-экономические и культурные различия с расовыми. Расистские тенденции находят преломление в такой интерпретации умственных способностей, согласно которой слабо-развитые умственные способности свойственны низшим расам и социально-экономическим слоям населения. На основе этих положений строится политика в системе образования в некоторых капиталистических странах.

Немарксистские педагогика и психология, утверждающие врожденный характер способностей, определяют соответствующие методики, применяемые в системе образования. Суть этих методик состоит в стремлении измерить умственные способности учащихся количественными методами с помощью стандартизованных тестов. Первоначально работы по созданию тестов, начатые во Франции Бине и Симоном, имели целью выявление детей, не соответствующих существующей системе образования. Создатели тестов исходили из того, что интеллект — врожденная способность и что уровень интеллектуальных способностей задан изначально. Один из основоположников тестов «коэффициента интеллекта» А. Дженсен считал, что бессмысленно обсуждать вопрос о том, что представляет собой интеллект. Вместо этого можно принять операциональную установку и определить интеллект путем измерения. Выводимый отсюда «коэффициент интеллекта» и есть мера способностей человека. Исходя из результатов этих тестов, детей сортируют по школам трех типов от высшей до низшей¹⁴.

Тесты как методика экспериментальной психологии и педагогики, по-видимому, не могут отрицаться, но необходимо их адекватно интерпретировать и видеть границы корректности их употребления. Выявляя посредством тестов различный уровень способностей, психологи, по существу, измеряют приобретенный интеллект, а не врожденную способность. «Каждая форма классового общества, будучи установленной, всецело полагалась на концепцию о врожденности и неизменности природы человека, оправдывая ею свою собственную конкретную структуру, — подчеркивал Г. Уэллс. — Доктрина врожденности человеческих способностей доказала на деле, что она является высокоэффективным идеологическим оружием защиты целого ряда социальных организаций на протяжении по меньшей мере двух тысяч лет»¹⁵. В целом антропологизм, отрицание социальной детерминации способности человека характерны для современных немарксистских концепций, утверждающих идеи расового и социального неравенства.

Принципиально иной методологический подход в понимании способностей человека был у К. Маркса и Ф. Энгельса. Они обосновали новое понимание природы и сущности человека, выявили факторы, определяющие развитие общества в целом, отдельного индивида, а следовательно, и его способностей. В связи с этим необходимо более подробно остановиться на взглядах К. Маркса и Ф. Энгельса. Основоположники марксистской философии исходили из социальной сущности человека. Тем не менее они сохранили позитивные идеи предшествующих философских направлений, прежде всего идею о влиянии среды и воспитания на развитие свойств человека (французский материализм), идею активного отношения человека к миру и обусловленности индивидуальных свойств всеобщими формами культуры (немецкая классическая

философия). Однако эти положения были не просто включены в новую систему мировоззрения, а преобразованы в соответствии с материалистическим пониманием истории. Влияние среды было представлено в качестве определенной системы социальной детерминации, и в первую очередь выявлена роль общественных отношений в формировании социальных свойств личности. Активное отношение понималось как практически-духовное освоение действительности человеком в его деятельности, а обусловленность индивидуальных свойств всеобщими формами культуры в марксизме представлена как диалектическое единство личности и общества, индивидуального и общественного сознания, как принцип сведения индивидуального к социальному.

В работах «Экономическо-философские рукописи 1844 года», «Немецкая идеология», «Капитал» понятие способностей не только широко используется, но и характеризуется в связи с социальной сущностью человека, его становлением и развитием. К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали способности в определенной системе социальной детерминации: социальная сущность человека, деятельность, общественные отношения, роль труда в формировании способностей, социально-классовый характер разделения труда и его влияние на развитие личности, значение системы образования и, наконец, роль социальных потребностей общества в формировании способностей личности.

В отличие от предшествующих мыслителей, представляющих разум или чувственность сущностью человека, К. Маркс и Ф. Энгельс за эмпирически видимым многообразием единичного — множеством различных черт, качеств, интересов людей — сумели выделить их всеобщую, а именно общественную, сущность. Сущность человека и его индивидуальное бытие не являются чем-то различным. «Общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуального развития, сознают ли они это или нет»¹⁶. Индивид выступает в качестве индивидуализации определенного социального положения, определенной социальной функции. Развитие индивида зависит всецело от богатства его общественных отношений; они есть та основа, на которой только и возможно становление индивидуальности как сочетания своеобразных черт и качеств индивида. Способности как универсальные потенции носят социальный характер.

В характеристике способностей К. Маркс широко использует понятие «человеческая природа», обращая внимание на природность человека как его неотъемлемое качество. «Человек является непосредственно природным существом. В качестве природного существа, притом живого природного существа, он, с одной стороны, наделен природными силами, жизненными силами, являясь деятельным природным существом; эти силы существуют в нем в виде задатков и способностей, в виде влечений»¹⁷. Однако природное

в человеке, согласно К. Марксу, всегда выступает как историческое, связанное с социальным становлением человека. Рождение дает ему лишь индивидуальное бытие. Природная основа человека преобразуется в зависимости от исторически изменяющихся общественных отношений. «Мы должны знать, какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху»¹⁸. Исторический процесс и есть непрерывное изменение человеческой природы. Следуя логике рассуждений К. Маркса, неверно останавливаться на постулировании способностей как природных сил. Несомненно, основоположники марксизма не отрицали значения природной основы человеческого существования, но отдавали приоритет в развитии человека общественным отношениям.

Развитие взглядов К. Маркса на сущностные силы человека тесно связано с исследованием труда как предметной деятельности. Индивид лишь в качестве субъекта деятельности становится личностью. Способности, потенции человека К. Маркс рассматривает как рабочую силу. Рабочая сила — это предпосылка труда и результат труда. «Под рабочей силой, или способностью к труду, мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости»¹⁹. Способности выступают как предпосылка, условие деятельности; труд, необъективированный в продуктах, существует в форме способности рабочего к труду. Труд является процессом, где не только участвуют уже имеющиеся физические и духовные способности, но и где они формируются. Присваивая производительные силы, созданные обществом, индивид развивает свои способности. «Для того чтобы преобразовать общечеловеческую природу так, чтобы она получила подготовку и навыки в определенной отрасли труда, стала развитой и специфической рабочей силой, требуется определенное образование и воспитание»²⁰. Развитие способностей к производству неразрывно связано с развитием способностей к потреблению, которое порождает способности производителя. Благодаря тому, что в созданном человеком предметном мире «застывает» богатство человеческих способностей, возможно развитие способностей индивида.

Характеристика процесса труда как сферы формирования и реализации способностей будет недостаточна, если не рассматривать конкретно-исторические этапы труда. Особенно четко прослеживается социальная зависимость развития способностей личности при анализе разделения труда, которое является основным фактором, определяющим развитие каждого человека. К. Маркс и Ф. Энгельс утверждали, что рабочие являются таковыми не в силу естественных различий с буржуа, что причина не в их индивидуальных особенностях и способностях, а в антагонистическом характе-

ре общественных отношений. Последствия антагонистического характера разделения труда ярко описывали и К. Маркс, и Ф. Энгельс. «Вместе с разделением труда разделяется и сам человек. Развитию одной-единственной деятельности приносятся в жертву все прочие физические и духовные способности»²¹. Среди многочисленных качеств и дарований в рабочем культивируется одна только односторонняя сноровка. Мануфактура уродует его, превращая в частичного рабочего, а «духовные потенции материального процесса производства противостоят рабочим как чужая собственность и господствующая над ними сила»²². Результатом классово-антагонистического разделения труда является, по словам К. Маркса, «профессиональный кретинизм» как выражение однобокого, уродливого развития личности.

Из абстрактной возможности развивать в себе все богатство социальных свойств рабочий получает возможность существовать только в качестве рабочего. Принадлежность к определенному классу в значительной мере предопределяет развитие способностей индивида. Эти границы предстают как внешние, случайные для конкретного индивида, они не зависят от его воли, но в качестве господствующих общественных отношений властвуют над ним и определяют его жизненный путь. Сюда относятся как социально-классовая принадлежность индивида, так и соответствующая ей система образования и воспитания личности.

В рамках этой концепции проблема талантливости, одаренности может быть решена только в плане соотношения индивидуального и социального. К. Маркс и Ф. Энгельс писали по этому поводу: «Исключительная концентрация художественного таланта в отдельных индивидах и связанное с этим подавление его в широкой массе есть следствие разделения труда»²³. Поэтому рассуждения о прирожденных поэтах, музыкантах, философах они называли бессмысленной болтовней, подчеркивая социальный характер развития личности, даже таких ее свойств, источник которых, казалось бы, сугубо индивидуален. Социальные условия порождают спрос, общественную потребность в определенных способностях индивида. Эта потребность и определяет переход способностей из области возможного в область действительного. На зависимость появления таланта от общественных потребностей указывал Г. В. Плеханов, который утверждал: «Таланты появляются всюду и всегда, где и когда существуют общественные условия, благоприятные для их развития»²⁴. Известно положение К. Маркса об обусловленности творчества художника, в частности Рафаэля, такими социальными детерминантами, как организация общества, разделение труда, а также достигнутыми техническими успехами в искусстве, т. е. уровнем развития данной сферы деятельности.

Следовательно, в трудах классиков марксистско-ленинской философии мы находим методологические основания для анализа

способностей. Рассматривая способности как социальные свойства в связи с сущностными силами человека, они подчеркивают исторический характер их формирования и развития, показывают их связь с общественными потребностями.

На основе марксистско-ленинской методологии осуществляется дальнейшая разработка проблемы способностей в советской философской и психологической науке. В психологическом аспекте способности рассматриваются преимущественно как психические образования наряду с такими, как характер, воля, память. Они соотносятся с задатками как врожденными анатомо-физиологическими особенностями индивида. Психология фиксирует внимание на соотношении способностей с мышлением человека, на выделении способностей актуальных и потенциальных, общих и специальных²⁵.

Философско-социологический аспект проблемы заключается в рассмотрении способностей как одного из фундаментальных социальных свойств личности. В этом плане социологический аспект фиксирует внимание на социальной сущности способностей, на системе их социальной детерминации, на диалектике общественного и индивидуального в развитии способностей, на процессе целенаправленного формирования способностей личности под влиянием общественных потребностей. Естественно, что абсолютного разрыва между социологическим и психологическим аспектами проблемы нет. Тем не менее необходимо отметить, что психологические исследования служат содержательной базой, на основании которой можно более продуктивно раскрыть сущность философско-социологического аспекта изучения способностей.

Большой вклад в исследование способностей внесли советские психологи Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев и А. Р. Лурия. Проведенные ими экспериментальные исследования «убедительно показали, что структура познавательной деятельности на отдельных этапах исторического развития не остается неизменной и что важнейшие формы познавательных процессов — восприятие и обобщение, умозаключение и рассуждение, воображение и анализ своей внутренней жизни — имеют исторический характер и меняются с изменением условий общественной жизни и овладением основами знаний»²⁶.

Принцип социально-исторической обусловленности сознания человека и его способностей требовал четкой формулировки важнейших факторов, детерминирующих индивидуальное развитие, уточнения категориального аппарата и дополнительных экспериментальных исследований. Эти проблемы выявились с полной определенностью в дискуссии о способностях, которая развернулась в конце 50-х — начале 60-х гг. Ключевыми явились вопросы о детерминации способностей, их социальной обусловленности, о соотношении природного и социального. В ходе обсуждения различные точки зрения были высказаны А. Н. Леонтьевым и С. Л. Рубинш-

тейном. Оба они исходили из общей позиции, что способности человека имеют общественно-исторический характер и опосредованы его деятельностью. Различия в их взглядах касаются механизма социальной детерминации психики человека, соотношения внешних и внутренних факторов, биологического и социального.

А. Н. Леонтьев предложил разделить способности на два рода: природные, биологические в своей основе, и специфически человеческие, общественно-исторические по своему происхождению. Природные способности связаны с врожденными задатками, под которыми понимаются анатомо-физиологические особенности индивида. Под способностями второго рода понимаются свойства, онтогенетически формирующиеся в деятельности. Они развиваются в процессе присвоения отдельным индивидом продуктов, созданных обществом. При этом особо подчеркивается роль культурной детерминации в формировании психических способностей людей. «Человеческие способности представляют собой подлинные новообразования, формирующиеся в его индивидуальном развитии, а не выявление и изменение того, что заложено в нем наследственностью»²⁷.

В историческом развитии человеческие способности воплощаются в достижениях материальной и духовной культуры. Поскольку становление человеческих способностей происходит в процессе усвоения индивидом общественно-исторического опыта предшествующих поколений, то этот опыт, по мнению А. Н. Леонтьева, лежит не внутри, а вовне — во внешнем объективном мире. Руководствуясь замечаниями К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что присвоение определенной совокупности орудий производства равносильно развитию определенной совокупности способностей у самих индивидов, А. Н. Леонтьев последовательно проводил идею онтогенетического развития как присвоения психических сил и способностей, заключенных в общественно значимых предметных формах. Следовательно, человеческая психика, свойства и способности человека являются продуктом общественно-исторического развития, т. е. социальная детерминация является решающей.

Иначе оценивал роль природного компонента способностей — задатков — С. Л. Рубинштейн, который не был согласен с предложенным А. Н. Леонтьевым разделением способностей на природные и собственно человеческие. Он выдвинул принцип детерминации психического, согласно которому внешние причины воздействуют через внутренние условия. С. Л. Рубинштейн считал, что «способности не могут быть просто насажены извне, что в индивиде должны существовать предпосылки, внутренние условия для их органического роста и, с другой стороны, что они не predetermined, не даны в готовом виде до и вне всякого развития»²⁸. Формирование способностей происходит на основе задатков как анатомо-физиологических особенностей человека, прежде всего

центральной нервной системы. При этом С. Л. Рубинштейн различал врожденные и наследственные задатки, и если врожденные могут быть приобретены в эмбриональный период, то вторые включают то, что передается индивиду от его предков.

Позиции ученых в данной дискуссии, с одной стороны, направлены против биологизаторских концепций человека и его способностей, с другой — против вульгарно-социологического подхода с его схемой «какова среда — таков и человек».

Социальная обусловленность способностей человека может быть проанализирована на различном конкретно-историческом материале. Обращение к антропогенезу свидетельствует о решающем значении социального фактора. Прямохождение, человеческая рука, речь, эмоции сформировались в процессе труда. Сама природа человека есть продукт истории. Речь, язык являются родовой способностью человека, которая связана не только с анатомически специфической формой речевого аппарата, но и прежде всего с развитием общения, общественно-трудовых отношений людей. Конкретные языки очень разнообразны (сейчас их насчитывается 2 500), но все они носят ненаследуемый характер. «Все люди обладают общей генетической приспособленностью мозга к общению символами — речью, однако, какова будет конкретная речь (и будет ли, добавим), целиком определяется воспитанием. Сколько бы тысячелетий предки данного человека ни говорили на определенном языке, это не записывается в генах»²⁹.

То же самое можно сказать и об эмоциях человека. Физиологическая основа чувств, эмоциональных реакций не может не быть одинаковой, но мы видим их огромное отличие от эпохи к эпохе, от культуры к культуре. Социокультурные нормы, на которые ориентируется индивидуальное поведение, носят исторический характер. В чувстве любви врожденный фактор составляет необходимый элемент, но лишь его соединение с социальными формами может породить любовь как сугубо социальное чувство, как общечеловеческую способность. «Люди любили во все времена, но каждая конкретная историческая среда придавала любовным отношениям известную форму: какие понятия и представления выражали эти отношения, с какими социальными институтами и как они были соотношены, что полагалось об этом говорить и о чем говорить не полагалось, какие знаки и символы использовались для культурной фиксации любовных чувств и желаний, как было принято знакомиться, ухаживать... жениться, какие тут существовали стереотипы и стереотипные отступления от стереотипов и т. д.»³⁰

Известны ситуации, когда органические структуры мозга сохранены, но способности и вообще человеческая психика не формируются. Слепоглухота, врожденная или приобретенная в раннем детстве, является причиной этого. Только благодаря общению с людьми, совершаемому по определенной методике, удается

сформировать в подобных случаях человеческую психику. И. А. Соколянскому и А. И. Мещерякову удалось посредством созданной ими методики доказать, что дело не в озарении, не в чуде, а в большой воспитательной работе. Социальный эффект воспитания перекрывает действие неблагоприятных биологических факторов.

Этот «жестокий эксперимент», осуществленный самой жизнью, с полной очевидностью демонстрирует социальную сущность психических свойств, которые активно формируются в каждой личности. Но если по отношению к здоровому человеку целенаправленный характер формирования психики до некоторой степени скрыт, ибо оно осуществляется во многом в повседневном процессе активного деятельного общения, основывается на методике, выработанной многими поколениями, то в отношении слепоглухонемых детей целенаправленный характер культивирования социальных свойств личности всегда в центре внимания, так как традиционные методы здесь уже не работают. «Ни на бога, ни на природу тут надеяться нечего: натуралистические иллюзии в этом решающем пункте дезориентируют педагога ничуть не меньше, чем надежды на "божественные", "трансцендентальные" причины рождения таких психических явлений, как совесть, чувство собственного достоинства, уважение к личности другого человека и им подобные качества»³¹. Поэтому проблемы, которые решает тифлосурдопедагогика, предстают как философские, методологические, связанные с пониманием сущности, общих условий и механизмов формирования человеческих способностей.

К числу биологических факторов, обуславливающих развитие способностей, иногда относят расовую и национальную принадлежность. Тот факт, что среди людей одной национальности больше ученых, выдающихся деятелей, чем среди другой, объясняют различной расовой одаренностью, обусловленной биологически. Американские социологи заинтересовались таким фактом: почему процент евреев-иммигрантов, получивших среднее и высшее образование, значительно выше, нежели итальянцев, хотя возможности получения образования приблизительно одинаковы. Оказалось, что родители по-разному относятся к достижению поставленных жизненных целей. Итальянцы не будут огорчены, если дети не получат образования, а евреи чувствовали себя обязанными преуспеть, чтобы не огорчать родителей. К тому же среди итальянских иммигрантов преобладали крестьяне из южных районов Италии, где интеллектуальные интересы не были основными. Семьи же второй группы — преимущественно выходцы из городской мелкобуржуазной среды, лучше подготовлены к условиям конкуренции и иначе относятся к образованию. Дело, следовательно, не в различии природных способностей, а в различии ценностных ориентаций, истоки которых социальны³².

Выводы, которые сделал комитет ЮНЕСКО по проверке умст-

венных способностей представителей различных рас, были таковы: «Везде, где удавалось выравнять различия, обусловленные влиянием среды, тесты показывали существенное сходство умственных черт всех человеческих групп»³³. Поэтому различные варианты концепций редукционизма, социобиологизма, объясняющие способности расовыми и национальными особенностями, оказываются несостоятельными, чреватые реакционными идеологическими выводами.

Неубедительными выглядят попытки доказать наследуемость выдающихся способностей — таланта, одаренности — путем исследования родословной поэтов, ученых, художников. Мы снова сталкиваемся с рецидивами идеи о врожденном характере способностей. На наш взгляд, можно согласиться с мнением Э. В. Ильенкова, что этот «наукообразный предрассудок», обряженный цифрами статистики, разукрашенный терминами генетики и физиологии высшей нервной деятельности и "учеными" рассуждениями о "врожденных церебральных структурах", якобы заранее предопределяющих меру талантливости человека, просто-напросто клеветнически взваливает на природу (на гены) вину за крайне неравное распределение условий развития между людьми в классовом обществе»³⁴.

Генная программа человека очень разнообразна, люди различаются и по типу нервной системы, и по свойствам темперамента. Но все эти индивидуальные различия окажутся несущественными, если индивид не будет включен в систему общественных отношений и деятельности. Человек не обладает двойственной природой, некой «биосоциальной сущностью», биологические факторы проявляются в снятом виде под влиянием факторов социальных. На всяком генетическом основании, за исключением патологии, может быть сформирована полноценная личность. Изучение биологического компонента способностей — задатков — является, по нашему мнению, предметом частнонаучного, а не философского исследования³⁵.

В соответствии с вышеизложенными методологическими основаниями необходимо поставить вопрос об определении способностей. Имеющиеся в современной науке подходы к определению способностей можно свести к следующим группам.

1. Способности представляют собой социальные качества человека, его «актуальные потенциальности». Этот подход связывает способности с сущностными силами человека и фиксирует внимание на общих способностях человека. Подобное понимание способностей развивает в своих работах Л. Сэв³⁶.

2. Способности — психические свойства, индивидуальные особенности, являющиеся необходимым условием успешного выполнения какого-либо вида деятельности. В рамках этого подхода выражен психологический аспект их исследования и в основном рас-

считаются специальные способности. Эта позиция нашла выражение в трудах Б. М. Теплова, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, К. К. Платонова и других советских психологов.

По нашему мнению, способности — интегральные личностные свойства, являющиеся индивидуализированным выражением существенных сил человека и обусловленные деятельностью и общественными отношениями. Этот подход предполагает связь общего, особенного и единичного в проблеме способностей. С этой позиции можно дать исчерпывающее представление о способностях, основанное на анализе социальной сущности человека, деятельности и того культурного контекста, в котором развивается личность. С позиции социологического аспекта исследования определить способности можно исходя из следующих оснований: способности есть социальные свойства человека, индивидуализированное выражение его сущностных сил; способности — сочетание природных задатков индивида (типа нервной системы, особенностей темперамента) и социальных свойств личности, знаний, умений, навыков, обладающее индивидуальной неповторимостью; способности могут быть представлены одновременно как общие (родовые), выражающие социальные потенции личности, и как частные (профессиональные), связанные с успешным выполнением какого-либо вида деятельности.

Основоположники марксизма, рассматривая способности в связи с сущностью человека, противопоставили свою методологию натуралистическим концепциям, с позиции которых человек предстает как асоциальное существо, как абстрактный индивид. Методологические основы исследования способностей с позиции марксистско-ленинской философии заключаются в выявлении решающего значения социальных факторов, прежде всего деятельности и общественных отношений. В этом плане соотношение биологического и социального преломляется как соотношение возможности и действительности, задатков и способностей. Поэтому необходимо вскрыть реальные механизмы, посредством которых осуществляется превращение социальных возможностей в разнообразные индивидуальные свойства, в том числе и способности.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 282.

² Там же. Т. 23. С. 379.

³ См.: Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 1. М., 1975. С. 162, 308.

⁴ Гельвеций. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1974. С. 68.

⁵ Там же. Т. 1. С. 478.

⁶ См.: Фихте И. Г. Избранные сочинения. Т. 1. М., 1916. С. 72.

⁷ Гегель. Сочинения. Т. 7. М.; Л., 1934. С. 81.

⁸ Мамардашвили М. К. Формы и содержание мышления. М., 1968. С. 57.

⁹ Корнеев В. П. Категория социального в философской антропологии // Филос. науки. 1978. № 4. С. 169.

¹⁰ Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968. С. 56—57.

¹¹ Уэллс Г. Крах психоанализа. От Фрейда к Фромму. М., 1968. С. 251. Следует отметить, что позднее, развивая свою концепцию отчуждения и его преодоления, Э. Фромм значительно изменил трактовку формирования свойств человека. (См.: Фромм Э. Иметь или быть? М., 1986. С. 190—194.)

¹² Цит. по: Холличер В. Человек и агрессия. М., 1975. С. 16.

¹³ Цит. по: Игнатъев В. Н. Социобиология человека: «Теория генно-культурной коэволюции» // Вопр. философии. 1982. № 9. С. 135.

¹⁴ См.: Лолер Д. Коэффициент интеллекта, наследственность и расизм. М., 1982. С. 34—35.

¹⁵ Уэллс Г. Указ. соч. С. 245.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 402—403.

¹⁷ Там же. Т. 42. С. 162—163.

¹⁸ Там же. Т. 23. С. 623.

¹⁹ Там же. С. 178.

²⁰ Там же. С. 182—183.

²¹ Там же. Т. 20. С. 303.

²² Там же. Т. 23. С. 374.

²³ Там же. Т. 3. С. 399.

²⁴ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: В 5 т. Т. 2. М., 1956. С. 329.

²⁵ См.: Теплов Б. М. Психология индивидуальных различий // Избр. тр.: В 2 т. Т. 1. С. 15—41; Платонов К. К. Структура и развитие личности. М., 1986. С. 145—157; Артемьева Т. И. Проблемы способностей: личностный аспект // Психол. журн. 1984. № 3; Губанов Н. И., Царегородцев Г. И. Биологическая и социальная детерминация способностей (методологические аспекты) // Филос. науки. 1988. № 2.

²⁶ Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов М., 1974. С. 163.

²⁷ Леонтьев А. Н. О формировании способностей // Вопр. психологии. 1960. № 3. С. 10.

²⁸ Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1976. С. 222.

²⁹ Дубинин Н. П., Шевченко Ю. Г. Некоторые вопросы биосоциальной природы человека. М., 1976. С. 21.

³⁰ Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М., 1978. С. 115.

³¹ Ильенков Э. В. Становление личности: к итогам научного эксперимента // Коммунист. 1977. № 2. С. 77.

³² См.: Кон И. С. К проблеме национального характера // История и психология. М., 1971. С. 153.

³³ Там же. С. 140. См. также: Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. М., 1977. С. 233—245; Селье Г. От мечты к открытию: Как стать ученым. М., 1987.

³⁴ Ильенков Э. В. Указ. соч. С. 77.

³⁵ Весьма оригинальной является позиция известного генетика В. Эфроимсона, который, анализируя природу гениальности на огромном фактическом материале, фиксирует черты подобию, свойственные крупным ученым, художникам, политическим деятелям, — высококобость, заболевание подагрой и т. д. Однако эти черты, скорее всего, есть результат напряженной интеллектуальной деятельности, следствие, своего рода расплата за талант и гениальность. (См.: Эфроимсон В. Загадки гениальности // Наука и религия. 1987. № 8—10; 1988. № 2.)

³⁶ См.: Сэв Л. Марксизм и теория личности. М., 1972. С. 442—444.

